Максимчик А.Н. Присоединение Кавказа к Росийской империи: Историографические итого дореволюционного этапа/ А.Н. Максимчик // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 285-294.

А. Н. Максимчик

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЭТАПА ИЗУЧЕНИЯ

Более чем 250-летнее динамичное изучение истории народов Северного Кавказа привело к формированию в российской историографии научно-исследовательской среды, в которой процесс присоединения региона к России трактуется неоднозначно и дискуссионно. Спорными и в то же время ключевыми являлись вопросы, связанные с предпосылками, причинами, задачами, итогами и результатами присоединения горцев к Российской империи. Полемика велась вокруг хронологии присоединения, отталкиваясь от которой можно было бы говорить о степени включенности региона в состав России. Традиционно эта дискуссия находилась в границах методологических, идеологических и геополитических ориентиров исторических этапов развития Российского государства.

Фундаментальным итогом изучения процесса присоединения Северного Кавказа к России явились результаты исследований дореволюционных историков. Однако, по мнению известного современного специалиста в области истории российско-кавказских отношений профессора В. В. Дегоева, анализ этих работ до настоящего времени не стал предметом специального историографического исследования, результаты которого позволили бы «развенчать миф о ее тематической односторонности, концептуальном единообразии и идейной ограниченности» [15, с. 57]. В данной статье предпринята попытка обобщить важнейшие результаты дореволюционного российского кавказоведения.

Для понимания условий, специфики, задач и значимости работы необходимо выделить в рамках дореволюционной историографии ряд этапов в процессе изучения проблемы присоединения горцев к Российской империи. При этом будем руководствоваться ретроспективным методом в историографии и источниковедческими изысканиями, позволяющими подчеркнуть хронологическую протяжность процесса присоединения.

Первый этап в изучении аспектов присоединения Северного Кавказа к России связан с *накоплением и первичной обработкой* полученного фактического материала о регионе и его населении. Он характерен для всей дореволюционной историографии. Первые шаги в реализации этого этапа отмечены еще в XVI в. В качестве историографических источников здесь выступают обзоры и описания путешествий, картографические материалы, результаты целенаправленных научных экспедиций в различные уголки Кавказа в контексте перспектив их будущего присоединения к империи [8; 11; 46; 50; 69]. В XVIII в. происходит *переход от фрагментарных и эпизодически полученных данных к системному изучению Кавказа*. В разрезе политической истории Северного Кавказа в XVI—XVIII вв. оформляются первые юридические отношения между Московским государством и потестарными образованиями горцев, сам регион включается в сферу геополитических интересов России, имеют место первые попытки реализации имперских задач на востоке, отмечается начало этапа оформления международных юридических актов присоединения ряда северокавказских территорий. Главным итогом периода стало получение ценной информации о быте и нравах северокавказских горцев, позволившей наметить специфику восприятия местным населением российских правовых норм и порядков, обеспечивающих легитимность присутствия России на данной

Максимчик Андрей Николаевич — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета

территории [8, с. 171, 174; 11, с. 40, 228—229; 69, с. 23]. Формат «монарх — подданный» в глазах горца изначально вступал в культурно-цивилизационное противоречие с правосознанием местных российских властей. Исследователи подчеркивали свойственные всем горцам специфические черты темперамента: непостоянство, изменчивость, независимость. По этой причине кавказоведы XVIII в. предпочитали писать о Северном Кавказе как о регионе, вошедшем в сферу внешнеполитического влияния России, но не как о его составной части.

XIX век в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа отмечен появлением *аналитических* работ, сориентированных на количественный и качественный анализ, интерпретацию полученных фактов, формулирование выводов и практических рекомендаций. Методические указания для изучения региона (план и программа исследований) «спускались» из министерских кабинетов, а их реализация возлагалась на профессиональных военных. Проведение активной внешней политики в первой половине XIX в. на Кавказе объективно способствовало формированию в среде офицеров и местной кавказской администрации научно-исследовательской прослойки, которая в своих изысканиях опиралась не только на личный опыт, но и привлекала архивные и иные источники. Характерной особенностью XIX в. являлось то, что его 2/3 прошли под знаком открытых военных действий в горах Кавказа, направленных на фактическое силовое присоединение горцев к Российской империи. Это наложило свой отпечаток на последующее изучение аспектов истории присоединения, где основной сюжетной линией было описание российско-горского противостояния.

Кроме упоминавшихся источников, в XIX — начале XX в. на первый план выходят военно-статистические и историко-этнографические описания местности [2; 4; 14; 32; 39, с. 298—329; 53], труды и статьи историков [5; 13; 17; 19; 47; 49; 58; 70]. Материал, посвященный истории российско-кавказских отношений, начинает публиковаться на страницах энциклопедий, справочников, газет, путеводителей [1; 34; 60]. В начале XX в. появляются статьи, где объектом изучения выступают сами историки, занимавшиеся политической историей Северного Кавказа в XVI—XIX вв., а также результаты их научной деятельности [12; 68].

Значительный вклад в разработку проблемы присоединения Северного Кавказа к России внес труд известного историка С. М. Броневского «Новейшие известия о Кавказе», который был выполнен по заказу министра иностранных дел А. А. Чарторыйского и сенатора Д. П. Трощинского [5]. Автор целенаправленно сконцентрировался на вопросах изучения истории российско-кавказских отношений, чем снискал себе славу первооткрывателя в этой области российского кавказоведения. Значимость работы С. М. Броневского определяется тем, что ему удалось наметить ряд магистральных направлений будущих исследований в рамках дореволюционного этапа изучения процесса присоединения. Семен Михайлович первым вписал историю Кавказского региона в контекст европейской и ближневосточной истории, предложил классификацию народов Северного Кавказа, соответствующую степени их лояльности по отношению к российским властям. Разработанная им периодизация российско-кавказских отношений середины XVI — начала XIX в. стала классической не только в дореволюционной историографии, но и в последующие периоды. В основу переломных моментов российско-кавказских отношений автор поместил итоговые международные акты, имевшие прямое отношение к судьбе северокавказских народов (Белградский, Кючук-Кайнарджийский, Ясский и другие мирные договоры). В его заслуги перед кавказоведением следует отнести активную источниковедческую и археографическую работу, позволившую ввести в научный оборот многие ранее неопубликованные документы по истории вступления в российское подданство народов Северного Кавказа в разные периоды. Парадоксальным явлением для 250-летнего российского кавказоведения является его отношение к результатам работы предшественников: в силу объективных и субъективных причин многие исследования длительное время находились на полках архивохранилищ. Так, только в 1996 г. историческая часть работы С. М. Броневского была опубликована старшим научным сотрудником

Института восточных рукописей РАН И. К. Павловой. В 1999 г. исследователь И. М. Назарова перевела с французского и опубликовала известное сочинение И. Ф. Браламберга, а в 2003 г. благодаря активной деятельности соредактора журнала «Звезда» Я. А. Гордина и историка А. Н. Лукирского свет увидела работа М. Я. Ольшевского [4; 44].

Следуя за идеями С. М. Броневского, большинство исследователей, работавших в 1810—1850-е гг., отстаивали идею обоснования легитимности присоединения горцев к империи на основании территориальных уступок в пользу России, заключенных в рамках международных соглашений с Турцией и Персией (Бухарестский, Гюлистанский, Туркманчайский, Адрианопольский мирные договоры) [2, с. 281; 4, с. 75; 34, с. 46; 40, с. 31]. Ярким примером такой традиции может служить черновой вариант «Воззвания к народам Кавказских гор», подготовленный в конце 1820-х гг. главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичем. После подписания в сентябре 1829 г. Адрианопольского мира между Россией и Османской империей он, обращаясь к воинственным горцам, подчеркивал, что «Порта сама отказалась от Вас на вечные времена; следовательно, единое прибежище для Вас есть Россия» [51, л. 3]. Из приведенной цитаты становится понятным, почему последующие военные действия на Северном Кавказе (1830—1860-е гг.) воспринимались как трансформировавшийся конфликт *внутри* государства и трактовались как подавление *восстания* или *бунта*. Рассмотрение проблемы под таким углом зрения позволяет дать аргументированный ответ на вопросы, связанные с терминологией, применяемой российскими военными историками по отношению к процессу присоединения. Так, использование термина «*усмирение*» и синонимичных с ним «*приведение к покорности*», «*подчинение*», «*умиротворение*» трактовалось историками, как «силовая акция со стороны Российской империи по отношению к своим подданным, территория проживания которых входила в состав империи» [4, с. 118—119]. Употребление выражения «*водворение или утверждение русского владычества*» можно объяснить тем, что многие историки были убеждены в том, что, несмотря на юридически оформленное право России на земли горцев, эта территория не была охвачена контролирующими инстанциями российских властей и, по мысли исследователей, эту власть еще предстояло утвердить. По этому поводу император Николай I в памятной записке на имя командира отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгардта писал следующее: «Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным» [43, с. 376].

Придерживаясь логики, подкрепленной мнением большинства историков, отрицавших факт присоединения северокавказских территорий на основании заключения актов принятия российского подданства, становится понятным практика употребления терминов «*совершенно непокорны*», «*довольно покорны*», «*считаются покорными*», «*мало покорные*», «*совершенно покорные*», «*мнимо покорные*», «*независимые*», «*буйные*». Исследователи подчеркивали мнимый и притворный характер присяг [3, с. 104; 7, с. 13; 14, с. 8, 13; 16, с. 9, 16; 20, с. 170; 28, с. 154—155; 32, с. VII, 6—7; 38, с. 2; 41, с. 52; 42, с. 20—21] и пытались объяснить его причины [20, с. 89; 25, с. 61; 44, с. 65; 54, с. 101—102, 105—106; 67, с. 101]. Во второй половине XIX в. в историографии наметится отход от трактовки присоединения Северного Кавказа к России на основании итоговых международных актов [42, с. 16]. Так, Д. И. Романовский с оговоркой отмечал, что «владычество России над Дагестаном установилось в результате Гюлистанского мирного договора, однако утверждение власти еще не состоялось» [49, с. 280].

Характерной особенностью дореволюционной историографии, в отличие от советского и современного периодов, являлась ее прямая сопричастность с военно-политическими событиями на Кавказе. Участник боевых действий выступал не только непосредственным свидетелем и участником происходивших событий, но и как исследователь, пытавшийся разобраться в «клубке» российско-кавказских противоречий. Это обстоятельство позволяет рассматривать произведения мемуарного характера не только с позиции источниковедческого,

но и историографического анализа, поскольку взгляды военных офицеров наглядно демонстрировали глубину российского присутствия в регионе, были завязаны на бытовавшем концептуальном видении роли и места России в судьбе всего Кавказа.

Значительное влияние на трактовку причин присоединения горцев к империи оказало европоцентристское понимание исторического процесса, согласно которому Россия, стоящая на высокой цивилизационной ступени развития, должна продвигать это культурное начало «непросвещенным народам». Еще в 1818 г., выступая в Главном педагогическом институте, президент Императорской Академии наук С. С. Уваров указал на цивилизационную миссию России по отношению к Востоку: «никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы. В общем просвещении находится залог общей независимости. Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных — тщетная, кровавая мечта, но побеждать просвещением <...> распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных — вот единственный способ завоевания, от коего ныне можно ожидать прочности вековой...» [56, с. 22]. В этой связи становится также понятным причина появления терминов «*хищники*», «*разбойники*», «*дикари*», целью которых была демонстрация уровня развития горского общества, его дикости, необузданности и отсталости [4; 14; 20; 24].

Институализация цивилизационной идеологемы в трудах историков смыкалась с религиозной составляющей причин движения России на восток. Исследователи прибегали к целенаправленной подаче материала для обоснования мессианского долга России по отношению к народам не только Южного, но и Северного Кавказа [39, с. 385; 52, с. 30]. Заметная роль в оформлении идеи реставрации христианского «креста» на Кавказе, а также его противопоставлении мусульманскому «полумесяцу» принадлежала историку Н. М. Карамзину, который с надеждой полагал, что «вера Спасителева, насажденная между Черным и Каспийским морем в самые древние времена империи Византийской, еще не совсем угасла в сих странах; оставались ее темные предания и некоторые обряды: известность и могущество России оживили там память христианства и любовь к оному» [33, с. 258]. В рамки цивилизационно-религиозной парадигмы вписалась концепция «естественных границ» представителей «государственной» школы российской историографии (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский).

Окончание военных действий в горах Кавказа в конце 1850 — начале 1860 г. позволило исследователям сконцентрироваться над определением хронологических рамок присоединения. Военные историки, тщательно описавшие течение Кавказской войны, расширительно не могли прийти к общему мнению в определении верхней и нижней хронологических границ присоединения Кавказа к России. Наиболее распространенной в дореволюционной исторической науке была версия, связывавшая начало присоединения с происходившими событиями в южной части Кавказа в конце XVIII — начале XIX в. (вступление российских войск в Тифлис 26 ноября 1799 г.; присоединение Картли-Кахетинского царства к России 12 сентября 1801 г.), а его окончание — с ликвидацией очагов сопротивления на Северо-Восточном (25 августа 1859 г.) и Северо-Западном Кавказе (21 мая 1864 г.) [10; 48; 55; 58; 61; 62; 66; 71].

Нестабильная ситуация в регионе, а также вспыхнувшее масштабное восстание на территории Чечни и Дагестана в 1877 г. заставили ряд исследователей не спешить с утверждением о том, что в 1864 г. российские войска окончательно замирили край [27, с. 594; 32]. (В современной российской историографии эту позицию отстаивает историк В. В. Лапин [36, с. 12].) Однако в целом историки очень скептически отзывались о целесообразности перенесения верхней хронологической границы с 1864 на 1878 г. — дату подавления восстания [22, с. 43; 23, с. 144]. Начало процесса присоединения также связывалось с назначением на Кавказ в 1816 г. генерала А. П. Ермолова (в современной историографии эта версия является наиболее популярной. — *А. М.*) [21; 23; 31, с. 331; 40; 49, с. 210; 57, с. 22, 25]. Ряд исследователей

начинали вести отсчет начала присоединения с похода Петра I на Каспий в 1722—1723 гг. [17; 29; 45; 47; 70]. Предлагались также и другие нижние хронологические границы в зависимости от описываемой части региона (Северо-Западный или Северо-Восточный Кавказ). Начало активных военных действий на Северо-Западном Кавказе связывалось с датой основания крепости Моздок (1763) [25, с. 47; 34, с. 51], с заключением в 1829 г. Адрианопольского мира [2, с. 281]. На Северо-Восточном Кавказе — с началом проповедей Шейха Мансура (1780-е гг.) [18, с. 41] и распространением мюридизма в конце 1820-х гг. [53]. Следует отметить, что все указанные версии представлены в работах современных российских историков, черпающих свои идеи из глубокого историографического «колодца» предшественников.

Существенным вкладом дореволюционных кавказоведов можно считать обеспечение современных исследователей и будущих поколений специалистов источниковедческим «сырьем». За 40 лет работы Кавказская археографическая комиссия (1864—1904) подготовила 13 [1] и издала 12 томов, содержащих в себе 16 057 документов (!) по истории российско-кавказских отношений XIV—XVIII вв. и российского управления краем (за 1799—1862 гг.) [30, с. 4].

Не менее значимым звеном в создании источниковедческой инфраструктуры была деятельность Военно-исторического отделения (с 1887 г. — отдела) при штабе Кавказского военного округа, образованного 16 января 1880 г. Отдел представлял собой первое специализированное научно-исследовательское учреждение по изучению вопросов присоединения Кавказа к России. Его сотрудники активно проводили мониторинг состояния архивных документов по военной истории Кавказа во многих населенных пунктах Кавказа, разработали научную концепцию Кавказского военно-исторического музея, посвященного истории покорения Кавказа, выступали в роли организатора проведения торжественных мероприятий, целью которых было ознаменование юбилейных дат по случаю 50-летия покорения Северо-Восточного (1909) и Северо-Западного (1914) Кавказа [63; 65]. Начальник отдела полковник С. С. Эсадзе был основоположником документального кино: в 1913 г. на основании широкого круга источников он подготовил сценарий для съемок исторической хроники «Покорение Кавказа», где с документальной точностью был инсценирован ряд эпизодов из истории присоединения Кавказа к России [6, с. 32; 64].

За годы своего существования Военно-историческим отделом было опубликовано 32 тома «Кавказского сборника» (1876—1912), на страницах которого помещались статьи военных историков, публиковались архивные документы, мемуары и воспоминания участников покорения Кавказа. Им издано 4 из планировавшихся 15 томов «Исторического очерка Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии» (Тифлис, 1899), 4 тома «Материалов для

[1] Значительная стоимость издания «Актов» и работы авторского коллектива неоднократно ставила вопрос о прекращении деятельности комиссии, что негативно сказалось на подготовке к изданию XIII тома, охватывавшего управление Кавказом великим князем Михаилом Николаевичем (1862—1881). В конце 1912 г. закончился срок ассигнования деятельности комиссии, что привело к временному приостановлению ее работы и передаче всех дел в канцелярию наместника. Со слов председателя комиссии Д. Н. Михайлова, материалы для XIII тома «Актов» были подготовлены к печати, оставалось только заплатить за бумагу (ЦГИА Грузии. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1234. О приостановлении действий Кавказской археографической комиссии и сдаче в архив всех ее дел, материалов и актов. Л. 2). Несмотря на то что 4 июля 1913 г. Николай II утвердил постановление об отпуске финансовых средств на содержание комиссии еще на 10 лет, XIII том так и не был напечатан (ЦГИА Грузии. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1235. О восстановлении деятельности Кавказской археографической комиссии. Л.1). Согласно материалам ЦГИА Грузии, где хранится абсолютное большинство документов о деятельности комиссии, а также неопубликованный том «Актов», основными причинами, не позволившими опубликовать издание, стали: отсутствие четкой структуры и плана работы над томом; излишняя перегруженность издания, в результате чего необходимо было проводить тщательную редакторскую работу с целью его сокращения путем выявления уже опубликованных документов в других изданиях; военные действия на Кавказе в связи с началом Первой мировой войны, внесшие изменения в работу комиссии.

описания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-малоазиатском театре» (СПб., Тифлис, 1904—1910), 2 тома «Памятников времен утверждения русского владычества на Кавказе» (Тифлис, 1906—1909), 32 описания боевой жизни частей войск Кавказского военного округа и огромное количество статей в периодических изданиях. В стенах отдела была выращена целая плеяда известных историков-кавказоведов (И. С. Чернявский, В. А. Потто, С. С. Эсадзе, А. Л. Гизетти, В. И. Томкеев), внесших ценный вклад в изучение проблемы присоединения Кавказа к России.

Исследователи также группировались вокруг созданных во второй половине XIX в. специализированных журналов по историко-этнографической тематике Кавказа: «Сборник сведений о кавказских горцах» (1868—1881), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881—1915). На страницах журнала «Сборник сведений о кавказских горцах» Н. Ф. Грабовский в статье «Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость» опровергал бытовавшее ранее мнение о том, что Кабарда присоединилась к России в XVI в. Предчувствуя возможность будущих историко-идеологических спекуляций по этому вопросу, он уделил серьезное внимание юридическому статусу российско-кабардинских отношений [2]. В понимании исследователя, установившиеся контакты в XVI—XVII вв. следует рассматривать как отношения между *кунаками*, выстраивавшими военно-политический союз [13, с. 116—118]. В пояснении к термину он писал, что «в раннее время кунаками назывались сильные и влиятельные люди или целые племена, под покровительство и защиту которых отдавались наиболее слабые» [13, с. 152—153]. Исследователь пытался донести читателю мысль о том, что вступление горцев под покровительство России не следует рассматривать как свершившийся акт присоединения. В постсоветской историографии идеи Н. Ф. Грабовского перекликаются с концепциями региональных историков Северного Кавказа (Г. Х. Мамбетов, Б. К. Мальбахов, К. Ф. Дзамихов, Р. Х. Гугов, Т. С. Магомедова).

Окончательно поставили точку в изучении проблемы принятия российского подданства XVI—XVIII вв. выводы кандидатской диссертации В. М. Гессена «Подданство, его установление и прекращение» (1909 г.). В ней диссертант уделил значительное внимание генезису употребления термина «*подданство*» в истории России [9]. Автор подчеркивал, что для России XVI—XVIII вв. принятие подданства ассоциировалось в первую очередь с крещением в православную веру [9, с. 203], что для истории российско-северокавказских взаимоотношений указанного периода не является характерным ввиду отсутствия документальных подтверждений. Особую ценность имеет новое прочтение выражения «*присяга на верность*». По справедливому мнению исследователя, под «присягой на верность» следует понимать присягу на верность службе, носившей временный характер, а не принятие российского подданства [9, с. 218], что находит подтверждение в исторических источниках.

Со второй половины XIX в. в рассмотрении проблемы присоединения Северного Кавказа к России наблюдается поляризация точек зрения по вопросам целей, реализации и итогов внешней политики России на Кавказе. Это объясняется усложнением политической структуры общества и связывается с выходом проблемы за рамки исторического нарратива. Свою точку зрения на страницах периодических изданий высказывали публицисты, литераторы, журналисты, творческая и научная интеллигенция — представители трех общественно-политических направлений: консервативно-охранительного, либерально-буржуазного и революционно-демократического. Идеи представителей последнего направления (А. И. Герцен,

[2] В год 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых адыгейский историк, генерированный в российском обществе, Владимир Николаевич Кудашев (настоящее имя Эльбаздуко Канаматович) в своей книге «Исторические сведения о кабардинском народе» впервые высказал идею о *добровольном присоединении* Кабарды к России, произошедшем в результате женитьбы Ивана IV на кабардинской княжне Марии Темрюковне [35, с. VIII].

Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов) стали своеобразным преемственным «мостиком» для марксистской историографии XX в.

В дореволюционной историографии были заложены также основы местной национальной кавказоведческой школы, получившей свое оформление в начале XX в. [26; 35; 37; 59]. Отличительной особенностью работ национальных историков, генерированных в российском социуме, является их пророссийская направленность. При описании истории двусторонних отношений, присоединения территории к империи авторы стремились показать, что в их основе лежало стремление не к военному противостоянию, а к мирному и взаимовыгодному общению и сотрудничеству, политическому единению народов.

Подводя итог далеко не полного анализа дореволюционной российской историографии, следует отметить, что проблема присоединения Северного Кавказа изучалась в основном в контексте внешнеполитической истории России, в рамках изучения истории развития двусторонних отношений либо происходивших в этом регионе военных событий. И можно согласиться с мнением В. В. Дегоева, отрицающего единую тематическую, идейную платформу дореволюционной исторической науки. Дореволюционная историография, подобно закону Г. Гегеля, прошла путь от сбора количественных «сырых» наработок к их качественной интерпретации и анализу не только в изучении хронологии, терминологии, но и в накоплении, публикации и использовании документального и исследовательского материала, появлении отдельных самостоятельных направлений в исторической науке, создании научных центров изучения истории Кавказского региона и механизмов сохранения исторической памяти о процессе покорения Кавказа. При описании процесса присоединения северокавказских территорий ученые традиционно придерживались общекавказского масштаба. В рамках периода историография присоединения Северного Кавказа значительно обогатилась не только новым фактическим материалом, но и привнесла, а в ряде случаев оформила ряд концептуальных положений, которые станут характерными для всей 250-летней истории изучения региона. Все это свидетельствовало о прочном включении истории Кавказа в круг научных интересов, расширении проблематики российской исторической науки в целом. Кавказоведение состоялось как научная дисциплина. В этом и состоит главная заслуга дореволюционных историков, исследовавших историю кавказских народов самозабвенно, а иногда и с риском для жизни. На базе накопленного огромного пласта фактического материала уже в советское время кавказоведы приступили к новому прочтению сложных аспектов общей проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А. П. К.* Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон: в 14 т. СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1837—1850. Т. 6. С. 601—653.

2. *Берже, А. П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе / А. П. Берже // Кавказский календарь на 1858 год (далее КК). Тифлис : Канцелярия кавказского наместника, 1857. С. 267—312.

3. *Берже, А. П.* Чечня и чеченцы / А. П. Берже. Тифлис : б. м., 1859. 140 с.

4. *Бларамберг, И.* Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа / И. Ф. Бларамберг; пер. с фр., предисл., коммент. И. М. Назаровой. Нальчик : Эльфа, 1999. 404 с.

5. *Броневский, С. М.* Новейшия известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским / С. М. Броневский; подгот. текста, предисл., примеч., слов. малоупотреб. слов, указ. И. К. Павловой. СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. 459 с.

6. *Вишневский, В. Е.* Художественные фильмы дореволюционной России (фильмографическое описание) / В. Е. Вишневский. М. : Госкиноиздат, 1945. 192 с.

7. *Вишняков, Е. П.* Кавказ и Кавказская война. Чтение для народа, избранное комиссией для печати из числа произнесенных в Соляном городе / Е. П. Вишняков; изд. барона Косинского. СПб. : Тип. и лит. кн. В. Оболенского, 1874. 24 с.

8. *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И.-Г. Георги. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб. : Русская симфония, 2007. 808 с.

9. *Гессен, В. М.* Подданство, его установление и прекращение: в 2 т. СПб. : тип. «Правда», 1909. Т. I. X, 448 с.

10. *Гизетти, А.* Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе / А. Л. Гизетти. СПб. : Экономическая типолитография, 1901. VI, 256 с.

11. *Гильденштедт, И.-А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / И.-А. Гильденштедт; авт. предисл. П.-С. Паллас. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 505 с.

12. *Городецкий, Б. М.* Литературные и общественные деятели Северного Кавказа (Россинский, Абих, Фелицын, Берже, Берзенов, Зейдлиц, Потто, Щербина, Короленко): Биобиблиографические очерки / Б. М. Городецкий // Кубанский сборник на 1913 год. Екатеринодар, 1913. Т. 1. С. 333—396.

13. *Грабовский, Н. Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость / Н. Ф. Грабовский // Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). 1876. Вып. IX. С. 112—212.

14. *Данилевский, Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. С объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных горцев Кавказа / Н. Данилевский. М. : Университетская типография, 1846. 187 с.

15. *Дегоев, В. В.* Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век — 1917 год): учеб. пособие / В. В. Дегоев. М. : Навона, 2009. 128 с.

16. *Дельпоццо, И. П.* Записка о Большой и Малой Кабарде / И. П. Дельпоццо // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик : Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 8—41.

17. *Дубровин, Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. / Н. Ф. Дубровин. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1871—1888. 6 т.

18. Жизнь Шамиля, имама Чечни и Дагестана, на Кавказе. М. : тип. М. Смирновой, 1860. 89 с.

19. *Зиссерман, А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867): в 2 ч. / А. Л. Зиссерман. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1879. Ч. 1. 424 с.

20. *Зубов, П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях: в 3 ч. / П. Зубов. СПб. : Тип. Конграда Вингебера, 1835. Ч. 3. 256 с.

21. И. О. Кавказские войны / И. Ореус // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского: в 41 т. СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1894. Т. XIIIA. С. 854—862.

22. И. И. О. Кавказские войны // Энциклопедия военных и морских наук / сост. под гл. ред. ген.-лейтенанта Леера: в 8 т. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1883—1897. Т. IV. С. 10—43.

23. *Иванин, И.* Кавказская война и ее герои. Очерки покорения Кавказа / И. Иванин. М. : Изд. книгопродавца М. В. Клюкина, 1904. 144 с.

24. *Иванов, С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе / С. Иванов // Военный сборник. 1859. № 6. С. 541—549.

25. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. К столетию занятия Тифлиса русскими войсками 26 ноября 1799 года / под ред. генерал-майора Потто; изд. Воен.-ист. отд. при штабе Кавк. воен. окр. Тифлис : Тип. канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. 332 с.

26. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым / Напечатана с подлинной, испр. рукописи и дополн. предисл., биогр. автора, прим. и прилож. Ад. Берже // КК на 1862 год. Тифлис : Канцелярия кавказского наместника, 1861. С. 3—176.

27. Кавказ // Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным: в 16 вып. СПб., 1873—1879. Отд. 2. Т. 3. С. 594—595.

28. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX в. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005. 720 с.

29. Кавказ. Пособие для изучения военной географии России / сост. М. Литвинов. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1883. 55 с.

30. Кавказская археографическая комиссия. Об ассигновании кредита на содержание в 1907 г. Кавказской археографической комиссии в Совет министров. СПб. : б. м., 1907. 6 с.

31. Кавказская война // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова: в 22 т. СПб. : 1900—1909. Т. 10. С. 330—332.

32. *Казбек, Г. Н.* Военно-статистическое описание Тверской области: в 2 ч. / Г. Н. Казбек; изд. отд. ген. штаба Кавк. воен. окр. Тифлис : Тип. А. А. Михельсона, 1888. Ч. 1. XXV, 206, 162 с.

33. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского: в 6 кн. / Н. М. Карамзин. М. : Книжный сад, 1993. Кн. 4. Т. VII—VIII. 259 с.

34. *Константинов, О.* Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тамани до Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи, Дербента / О. И. Константинов // КК на 1851 год. Тифлис : Канцелярия кавказского наместника, 1850. С. 37—132.

35. *Кудашев, В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе / В. Н. Кудашев. Киев : типолитография «С. В. Кульженко», 1913. 283 с.

36. *Лапин, В. В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу / В. В. Лапин. СПб. : изд-во С.-Петербург. ин-та истории РАН «Нестор-история», 2003. 82 с.

37. *Лаудаев, У.* Чеченское племя / У. Лаудаев // ССКГ. 1872. Вып. VI. С. 1—62.

38. *М.* Горские народы, состоящие в ведении Черноморской Кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г. // Кавказ. 1858. 7 декабря.

39. Материалы по истории Дагестана и Чечни / вступ. ст. С. К. Бушуева. Махачкала : Даггосизд., 1940. Т. III. Ч. I. 471 с.

40. *Москвич, Г. Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Изд. 6-е / Г. Г. Москвич. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1901. XVI, 394 с.

41. *Н. Ш.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник (Далее КС). 1883. Т. VII. С. 1—157.

42. Народы Западного Кавказа (По неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова) / Т. Хаджимуков // КС. 1910. Т. XXX. С. 1—50.

43. Николай I. Памятная записка А. И. Нейдгарту / публ. и примеч. М. В. Сидоровой // Российский архив: Альманах. 2003. Т. XII. С. 375—379.

44. *Ольшевский, М. Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год / М. Я. Ольшевский; вступ. ст. и коммент. А. Н. Лукирского / СПб. : Изд-во журн. «Звезда», 2003. 606 с.

45. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа / Изд-во А. А. Каспари. СПб. : книжный склад «Родина», 1904. 663 с.

46. *Полиевктов, М. А.* Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу / М. А. Полиевктов. Тифлис: 1-я тип. Сахелгани, 1935. 221 с.

47. *Потто, В. А.* Кавказская война: в 5 т. / В. А. Потто. Ставрополь : Кавказский край, 1994. Т. 5.

48. *Прозрителев, Г. Н.* Шейх Мансур. Материалы для истории Кавказской войны / Г. Н. Прозрителев. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. 13 с.

49. *Романовский, Д. И.* Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читаные в зале Пассажа в 1860 году Генерального штаба полковником Романовским / Д. И. Романовский. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1860. 459, XXXV с.

50. Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий. СПб.: Сочин: гравир. и печат. при Горном училище, 1792. 47 с.

51. Российский государственный исторический архив. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 223. Воззвание к народам Кавказских гор о мире и верноподданстве в целях сохранения спокойствия и благоденствия страны.

52. *Соллогуб, В. А.* Кавказ в восточном вопросе / В. А. Соллогуб. Тифлис : б. м., 1856. 48 с.

53. *Соловьев, К. С.* Военное обозрение Дагестанской области / К. С. Соловьев / изд. отдела Ген. штаба окр. штаба Кавк. воен. окр. Тифлис : Тип. А. А. Михельсона, 1887. Вып. 1. 172 с.

54. *Сталь, К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь; предисл. Е. Г. Вайденбаума // КС. 1900. Т. XXI. С. 53—173.

55. *Томилов, П. А.* Кавказская война / П. А. Томилов // Военная энциклопедия: в 18 т. СПб. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911—1915. Т. XI. С. 220—242.

56. *Уваров, С. С.* Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года / С. С. Уваров. СПб. : Тип. Деп. народного просвещения, 1818. 63 с.

57. Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис : Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1907. 468 с.

58. *Фадеев, Р. А.* Кавказская война / Р. А. Фадеев. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. 640 с.

59. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / Хан-Гирей; вступ. статья и подгот. текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик : Эльбрус, 1978. 333 с.

60. *Хицуков, П.* Сношения России с северной частью Кавказа / П. Хицуков // Кавказ. 1846. 20 апреля.

61. Хронология русской военной истории. Хронологический указатель войн, сражений и дел, в которых участвовали русские войска от Петра I до новейшего времени / сост. помощник библиотекаря Глав. штаба А. Лацинский. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1891. 289 с.

62. *Цаликов, А. Т.* Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта / А. Т. Цаликов. М. : Изд-во М. Мухтарова, 1913. 184 с.

63. Центральный государственный архив Грузии (далее — ЦГИА Грузии). Ф. 1087. Оп. 1. Д. 208. О праздновании 50-летнего юбилея покорения Западного Кавказа 21 мая 1914 г.

64. ЦГИА Грузии. Ф. 1087. Оп.1. Д. 209. Инсценировка картины «Покорение Кавказа» и военная кинематография.

65. ЦГИА Грузии. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. О праздновании 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 г.

66. *Чернявский, И. С.* Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II. 1855—1880 / И. С. Чернявский. СПб. : Военная типография, 1898. 61 с.

67. *Чудинов, В.* Окончательное покорение осетин / В. Чудинов // КС. 1889. Т. XIII. С. 1—123.

68. *Шамрай, В. С.* Евгений Дмитриевич Фелицын: Биографический очерк. Перечень печатных трудов Е. Д. Фелицына / В. С. Шамрай // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1907. Т. XIX. Вып. 1. С. 71—88.

69. *Шишкевич, Ф.* Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания / Ф. Шишкевич; пер. с фр. СПб. : Тип. Шнора, 1810. 121 с.

70. *Эсадзе, С. С.* Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. / С. С. Эсадзе. Тифлис : тип. «Гуттенберг», 1907. Т. 1. 616 с.

71. Юбилейный сборник к столетию присоединения Грузии к России / под ред. К. Н. Бегичева; мат-лы собрал Е. С. Сталинский. Тифлис : Тип. канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. 173 с.

РЕЗЮМЕ

В центре внимания — итоги изучения процесса присоединения Северного Кавказа к России в дореволюционной исторической науке. Выделяется ряд этапов последовательного процесса изучения проблемы, рассматриваются дискуссионные вопросы терминологии, хронологии, анализируются труды историков, внесших заметный вклад в изучение политической истории Северного Кавказа XVI—XIX вв., показано формирование устойчивых традиционных конструкций и привнесение новационных компонентов в изучение объекта исследования. Отрицается тезис о единой тематической и концептуальной платформе дореволюционной историографии.

SUMMARY

In the center of attention of article results of studying of process of accession of the North Caucasus to Russia within a pre-revolutionary historical science. A number of stages through which process of studying of a problem consistently proceeded is allocated, debatable questions of terminology, chronology are considered, works of the historians who have made an appreciable contribution to studying of political history of the N orth Caucasus on the XVI—XIX centuries are analyzed, formation of steady traditional designs and introduction of innovative components in studying of object of research is shown. The thesis about a uniform thematic, conceptual and ideological platform of a pre-revolutionary historiography is denied.

Статья поступила в редакцию 14 мая 2012 г.